

Э.А.Паин,
кандидат исторических наук.
Институт социологии РАН

Этнополитические маятники в постсоветской России

Постсоветскую историю России легко разделить на два периода, по времени правления двух лидеров. Можно заметить, что наиболее бурные трансформационные процессы пришлось на период правления Б.Ельцина (назовем ее

© Э.А.Паин, 2003

условно "эпохой революции"). Затем происходит определенное затухание коллизий так называемой "травматической трансформации" и наступает иной период, который мы так же условно назовем "эпохой стабилизации". Он начался с 1999 г. и совпал по времени с фактическим приходом к власти В.Путина. В этнополитической сфере важнейшей особенностью, разделяющей период революций от периода стабилизации, было чередование активности этнических меньшинств и этнического большинства¹.

1. Маятник активности этнических общностей

Первый период постсоветской России, прошел под знаком активности этнических меньшинств ("парад суверенитетов" российских республик в 1990—1991 гг., этнические конфликты и даже активность на международной арене — все это было уделом этнических меньшинств). Однако уже к середине 1990-х годов становится заметным спад их активности.

Совершенно иную динамику активности продемонстрировало этническое большинство России. Оно было пассивно в "революционную эпоху" и значительно активизировалось как раз в тот период, который мы условно назвали "эпохой стабилизации".

Исследования Л.М.Дробижевой показывают, что с середины 1990-х годов стал особенно заметен рост этнического самосознания русских и темпы его вдвое выше, чем у других народов России. При этом быстрее всего выросли наиболее эмоционально выраженные формы этнического самосознания. Если в 1994 г. не более 8% русских в республиках отвечали, что "любые средства хороши для отстаивания благополучия моего народа", то в 1999 г. и в республиках, и впервые в русских областях такую установку проявили в опросах более четверти русских респондентов². К сожалению, быстро растет и радикально националистическая установка: "Россия — для русских". Это подтверждается и материалами других исследовательских групп. Так, по данным ВЦИОМ, доля людей, полностью или частично поддерживающих идею "Россия — для русских" возросла с 1998 по 2002 г. с 45 до 55% опрошенных, в основном более чем на три четверти русских, тогда как у 59% представителей других национальностей оценили эту идею как "настоящий фашизм"³.

Еще более впечатляющая картина массовых этнических фобий среди этнического большинства предстает при анализе ответов на вопрос: *"Как Вы думаете, представляют ли сейчас угрозу без-*

¹ Используемые мной термины условны — это аналитические конструкты, не претендующие на универсальность и тем более на применение в законодательстве.

² По материала исследовательских проектов, выполненных под руководством Л.М.Дробижевой (1993-2001 гг.).

³ Общественное мнение-2002. По материалам исследований 1989-2002 гг. М.: ВЦИОМ, 2002. С. 128.

опасности России люди нерусских национальностей, проживающие в России?" Негативный ответ — "никакой угрозы" дали лишь 19,6% русских (это почти вдвое меньше, чем представители других национальностей, — 41,8%). Однако анализ ответов на другой вопрос, в котором речь шла уже об угрозах не стране, а конкретным людям, показывает, что уровень этнических фобий у русских не столь уж драматичен. Большинство россиян (в том числе 59,7% русских и 74% представителей других национальностей) никогда не испытывают по отношению к себе враждебности со стороны представителей других народов России. Вместе с тем обращает на себя внимание, что русские по всем вариантам ответов проявляют большую озабоченность отношением к себе со стороны других народов, чем представители этнических меньшинств. Это удивительно, поскольку этническое большинство, как правило, проявляет меньшую этническую озабоченность, чем этнические меньшинства, что доказано многочисленными исследованиями в разных странах мира и, главное, исследованиями 1970-х и 1980-х годов в Советском Союзе.

Чем же были обусловлены эти перемены?

Большинство российских этносоциологов оценивают рост этнической активности русских как ответ на предшествующую активизацию этнических меньшинств. Речь идет о прямом ответе русских на рост негативного отношения к ним со стороны национальных движений других народов СССР и России, зачастую переносивших на этническое большинство грехи советского режима.

Мне такая гипотеза представляется упрощенной, не дающей объяснений ряду известных фактов.

Во-первых, она не учитывает незначительную численность и малое влияние той категории русских в России, которая имела непосредственный негативный опыт межэтнического общения, а именно мигрантов из новых независимых государств и жителей некоторых республик Российской Федерации.

Во-вторых, указанная гипотеза не обращает внимания на весьма своеобразный абстрактный характер современной ксенофобии в России. Такой характер этнической озабоченности русских не может быть результатом непосредственных межэтнических столкновений, поскольку последние неизбежно вызывают рост негативного отношения к конкретным этническим общностям, являющимся причиной "наших" бед. Однако к большинству народов России в массовой сознании русских преобладает спокойное нейтральное отношение.

В-третьих, гипотеза прямого негативного опыта этнических контактов как источника роста этнической тревожности русских не дает ответа на главный вопрос: почему ответ русских так запоздал? Пик миграций был пройден в 1994 г., к этому же времени угасли последние вспышки этнической активности (кроме Чечни), а рост этнической тревожности русских стал заметно проявляться лишь в конце 1990-х годов?

На мой взгляд, рост этнического самосознания русских не напрямую связан с этнической активностью других народов. Важную роль в формировании оппозиции "мы" — "они", "большинство" — "меньшинство" в России сыграло сложившееся к концу 1990-х годов представление о государственной политике как несправедливой, направленной на поддержку одних этнических общностей в ущерб другим. При этом пятилетний период, разделяющий спад активности одних этнических общностей и подъем других, стал временем формирования в массовом сознании подобных представлений.

2. Маятник политических стратегий

Действительно, Б.Ельцин пришел к власти в период, когда инерция распада СССР набирала силу в России. Сложившаяся политическая ситуация в значительной мере продиктовала его политическую стратегию во взаимоотношениях с наиболее активной тогда частью общества — с региональными политическими элитами. И, на мой взгляд, именно *стратегия Б.Ельцина, основанная на переговорном процессе, достижении компромиссов, взаимных уступок, сделанных как федеральной властью, так и лидерами республик помогла переломить негативные тенденции в федеративных отношениях.*

Эти перемены тогда были замечены российским общественным мнением. В массовом сознании россиян постепенно росла уверенность в том, что целостность России укрепляется, а главное, уменьшается угроза вооруженных конфликтов — неизбежного спутника распада страны. Но прошло время, и политика компромиссов стала восприниматься в сознании большинства россиян как стратегия односторонних уступок республикам, как начало развала России и даже как злой умысел: "Те же, кто развалили СССР, теперь разваливают Россию".

Большей частью такие представления имеют мало общего с реальностью. Однако с точки зрения воздействия социальных представлений на политику, не столь уж важно насколько они реалистичны. Если представления возникли и стали массовыми, то они влияют на политический процесс ничуть не меньше, чем реальность. Думаю, что именно из такой реальности, основанной на массовых и во многом мифологизированных представлениях, выросла стратегия В.Путина, ключевые идеи которой — *создание "единой исполнительной вертикали" и ограничение политической роли региональной элиты, прежде всего роли лидеров республик.*

С середины 1990-х годов в регионах России не было зафиксировано ни одного серьезного проявления сепаратизма, за исключением сепаратизма в Чечне, который проявляется и сегодня, в период, когда, по определению президента В.Путина, "расползание государственности позади". Устойчивость российской федератив-

ной системы прошла проверку на прочность в период экономического кризиса 1998 г., хотя поначалу казалось, что именно он подтолкнет федерацию к неминуемому распаду. Зачем же президенту В.Путину в 2000 г. нужно было возвращаться к идеям федеральных округов и ограничения прав республик, возникшим в период кризиса 1998 г., и, к тому же усиливать их административную жесткость, если необходимость в таких мерах отпала еще за два года до его избрания главой государства?

На мой взгляд, стратегия "вертикали власти" появилась как реакция не столько на проблемы федеративных отношений, сколько на настроения большинства электората России. Избиратель хочет наведения порядка в стране, так нет ничего проще, чем имитировать его установление за счет создания федеральных округов во главе с генералами. Избиратель недоволен тем, что "региональные бароны" забрали себе слишком много власти — в ответ их изгоняют из Совета Федерации. Не только президент, но и партии, общественные организации, практически ориентированные ученые, пресса — все наперегонки устремились "обслужить" новые общественные настроения.

3. Маятник этнополитических идей

В "революционную эпоху" российская политическая и интеллектуальная элита была жестко поляризована. Левая оппозиция защищала так называемую "русскую идею", концепцию возрождения России в границах СССР, "воссоединения разделенного русского народа" и его политического доминирования. На противоположных позициях тогда стояли либеральные политики и интеллигенция. Большинство из них разделяли идеи А.Д.Сахарова о необходимости покаяния россиян за имперское прошлое СССР и поддержки национальных движений в бывших союзных республиках и в российских автономиях.

В "эпоху стабилизации" ситуация изменилась прежде всего за счет отказа большей части бывшей либеральной интеллигенции от своих прежних идей. Эти перемены в значительной мере были обусловлены тягой российского общества к самоуспокоению и к самоутверждению после бурных революционных лет.

Можно выделить три основные формы такого успокоительного самоутверждения.

"Оппозиция недавнему прошлому". Если в революционную эпоху элитарные слои негативно оценивали советский период и идеализировали период реформ, то в эпоху стабилизации значительная часть российской элиты выстраивает свои исторические приоритеты зеркально противоположным образом. Они считают распад СССР и последующее десятилетие независимой России временем национального унижения и героизируют, идеализируют со-

ветский период истории. В процессе усвоения общественным мнением этих неосоветских идеологом, критических по отношению к эпохе революций, и в ходе формирования стереотипов массового сознания стала усиливаться идея "злого умысла", определившего "неправильную" политику Б.Ельцина, и ее направленности против русского народа: "Союз не сам распался, его развалили, а теперь разваливают Россию" или "русские не просто уезжали из стран СНГ и Балтии, их оттуда выдавили".

"Оппозиция Западу". В "революционную эпоху" в российской элите преобладало критическое отношение к советскому прошлому России, а Запад воспринимался как эталон движения в будущее или возвращения в цивилизацию. В эпоху стабилизации начался демонтаж этого эталона. Отношения Запада к России стали восприниматься не просто как непонимание, но и как злой умысел, имеющий антирусскую направленность.

"Оппозиция этническим меньшинствам в России". Если в "революционный" период защита прав этнических меньшинств считалась одним из опознавательных знаков либералов, то в эпоху стабилизации ситуация изменилась. Сегодня именно российские "либералы" переполнены мистическим ужасом перед этничностью, они придумывают небылицы о несовместимости асимметричной этнической федерации с развитием гражданского общества. Пример таких федераций, как, скажем, Швейцария или Испания, им не указ. У них сохраняются иллюзии, что достаточно объявить о равных правах и убрать графу "национальность" из паспорта, как тут же исчезнут этнические проблемы, и это несмотря на то, что скинхеды избивают инородцев, не заглядывая в паспорта и не взирая на закон о противодействии экстремизму. Более того, в воспроизводстве мифов об этнических мигрантах, о так называемых "гостях с юга" демократическая печать преуспела даже больше, чем откровенно расистские издания русских националистов, прежде всего потому, что демократические (коммерческие) СМИ рассчитаны на массовую аудиторию.

Быстрое распространение этих стереотипов в массовом сознании стало поводом для постепенной трансформации политической стратегии в национальной сфере. Все более отчетливо проявляется курс нынешнего политического истеблишмента России на сочетание *ограничительно-запретительной политики по отношению к национальной элите нерусских народов с усилением охранительной политики по отношению к этническому большинству.* Так, наряду с законом, запрещающим этническим меньшинствам использовать иную графику, кроме кириллической, в Государственной Думе принят (но пока еще не утвержден Советом Федерации и президентом) Закон "О русском языке как государственном языке России", который трактуется многими политиками как символ главенства русского языка и русского народа. В Государствен-

ной Думе активно обсуждаются подготовленный проект закона "О русском народе", а также идея пересмотра Концепции государственной национальной политики, принятой во времена Б.Ельцина, и прежде всего замена принятой там формулы: "все коренные народы России являются государствообразующими" на идею исключительности — "русские являются государствообразующим народом России".

В действительности, все это нисколько не повышает защищенности русских, а лишь взвинчивает этнические страхи. Уровень тревог среди представителей этнического большинства выше, чем у представителей меньшинств. Важно и то, что уровень этнических страхов, фобий у русской молодежи выше, чем у лиц старшего возраста.

Если все это приведет к росту и активизации русского национализма как идеи политического доминирования, то можно не сомневаться, что в ответ будет расти национализм этнических меньшинств. В этом случае этнополитический маятник совершит полный цикл колебаний и нас будет ждать новый взрыв межэтнических конфликтов. При этом в худшем варианте, чем тот, который проявился в конце 1980-х — начале 1990-х годов.

Тогда национальные движения меньшинств развивались под демократическими лозунгами. Ныне же более вероятно сочетание этнического национализма с религиозным фундаментализмом. И дело здесь не только в общем росте религиозности российского общества, особенно заметного у этнических меньшинств, сколько в разочаровании этнических меньшинств демократическим движением в России и на Западе.